

IVb
Н.М.

ДМИТРИЙ НИКОЛЬСКИЙ.

K
ХХІVа
Н-64

О ВЫДАЧЕ ПРЕСТУПНИКОВЪ

по

НАЧАЛАМЪ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА.

Summum jus - summa injuria.

М. 26.12

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

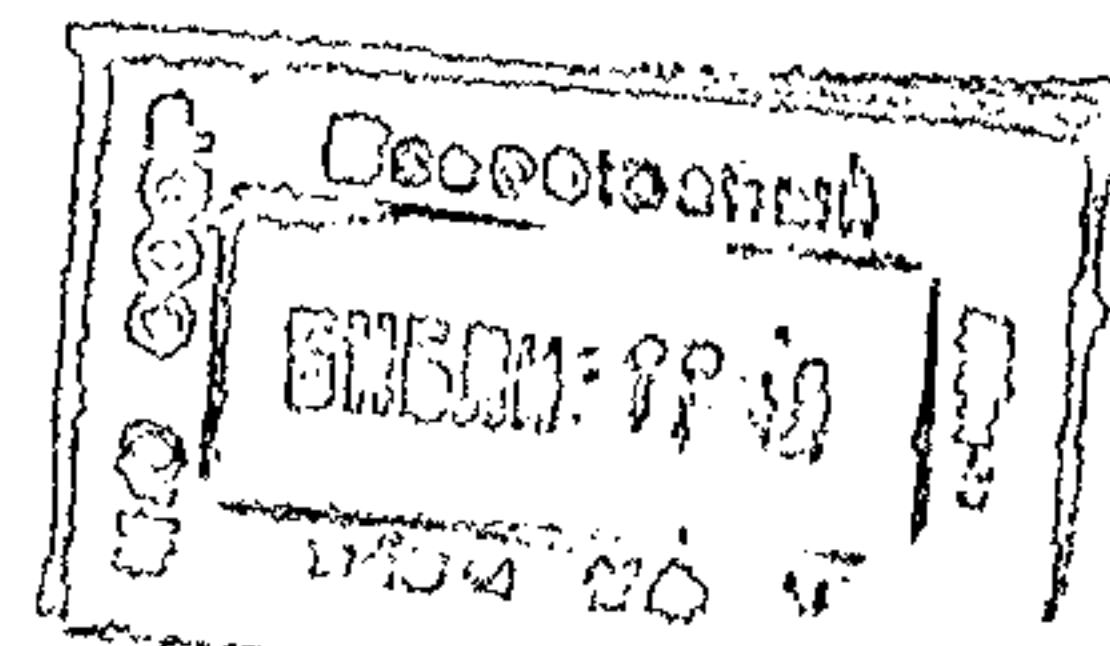
Типографія М. М. Столюлевича, Вас. Островскаго, 7.

1884

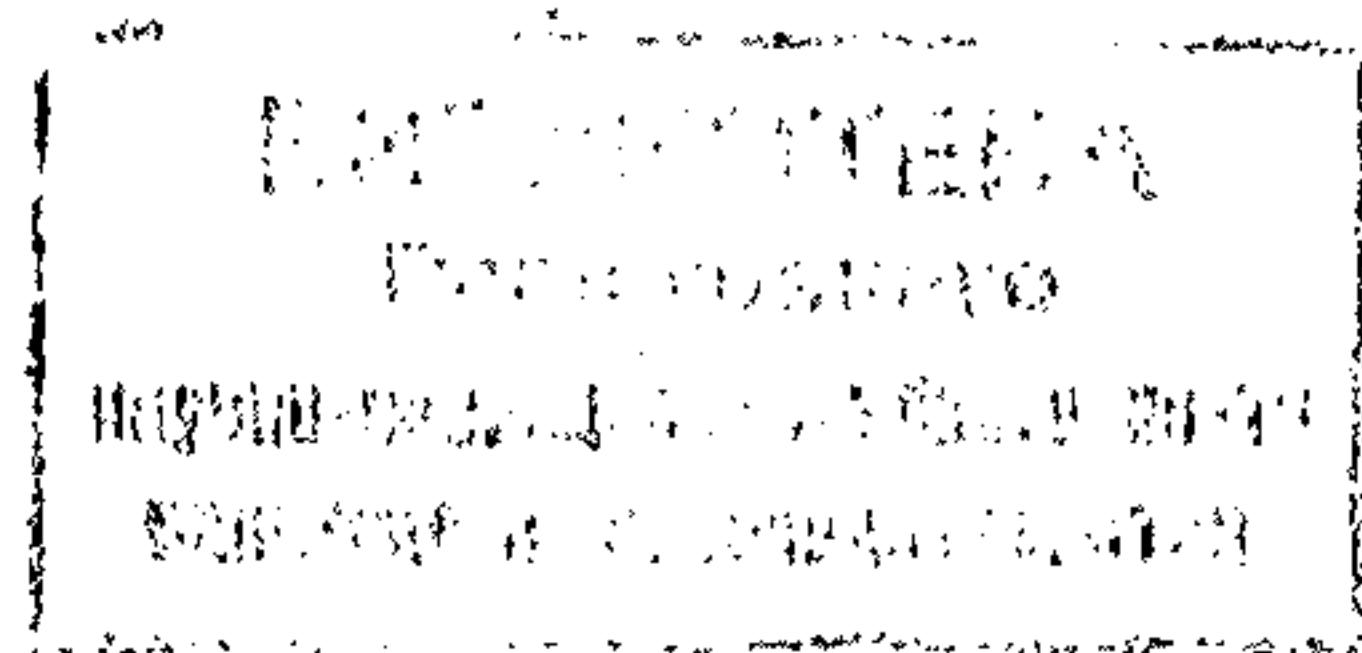

218

1858

1858

Печатано по определению Юридического Факультета С.-Петербургского
Университета 23 мая 1884 года.

Деканъ Проф. Ю. Э. Янсонъ.

Посвящается

Професору С.-Петербургского Университета

Федору Федоровичу

Мартенсу.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящее сочинение выходитъ въ свѣтъ почти въ томъ же видѣ, какъ оно было представлено на разсмотрѣніе Юридического Факультета С.-Петербургскаго Университета. Сдѣланы только нѣкоторыя незначительныя сокращенія въ историческомъ очеркѣ выдачи и прибавлены послѣднія двѣ главы (седьмая книга). Считаю своимъ священнымъ долгомъ выразить искреннюю признательность Ф. Ф. Мартенсу, А. Д. Градовскому, Н. С. Таганцеву и Г. Г. Савичу за полезные совѣты и указанія.

Дмитрій Никольский.

С.-Петербургъ, 18 мая 1884.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Общія начала теоріи и законодательствъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Дѣйствіе уголовнаго закона въ пространствѣ (Введеніе).

§ 1. **Основныя положенія** ¹⁾. Основное положеніе, принятое всѣми законодательствами, относительно дѣйствія уголовнаго закона, состоитъ въ томъ, что всякий уголовный законъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ того государства, гдѣ изданъ. Такой характеръ мѣстнаго уголовнаго закона называется террitorialностью (поземельностью). Въ русскомъ законодательствѣ начало террitorialности (поземельности) уголовнаго закона ясно выражено, какъ въ уложеніи о наказаніяхъ, такъ и въ мировомъ уставѣ. Ст. 170 уложенія постановляетъ: „Иностранцы, въ Россіи жительствующіе или временно въ оной пребывающіе, подлежать дѣйствію законовъ о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, на томъ же основаніи, какъ и подданные россійскіе, если о какомъ-либо изъ сего изъятія не сдѣлано особаго постановленія въ договорѣ съ тою иностранною державою, у коей они находятся въ подданствѣ“. Такимъ образомъ наше законодательство твердо держится того начала, что всякое лицо, находящееся въ предѣлахъ русского государства, будетъ ли оно русскимъ подданнымъ, или иностранцемъ, безусловно подчиняется нашимъ уголовнымъ законамъ. Ни одно лицо, поэтому, не можетъ ссылаться на невѣдѣніе закона. Подобная ссылка не можетъ служить основаніемъ для оправданія подсудимаго, а развѣ только для снисхожденія, при известныхъ условіяхъ. При этомъ безразлично, совершилъ ли иностранецъ въ Россіи преступленіе

противъ одного изъ русскихъ подданныхъ, или противъ подданного того государства, къ которому самъ принадлежитъ. Отсюда исключаются преступленія, совершенныя на иностранныхъ купеческихъ судахъ между лицами, составляющими экипажъ этихъ судовъ, хотя бы эти суда и находились въ русскомъ территориальномъ (поземельномъ) морѣ. Къ такимъ преступленіямъ относятся нарушеніе дисциплины и долга службы членовъ экипажа. Но общія преступленія, совершенныя на бортѣ такого судна, могутъ быть подсудны и нашимъ уголовнымъ судамъ, если преступниками будутъ нарушены спокойствіе, тишина и безопасность порта ²⁾.

Это основное начало установилось не только въ законодательствахъ, но и въ наукѣ международного права. Однимъ изъ первыхъ писателей выставилъ его Ваттель въ своемъ „Droit des Gens“ ³⁾. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу: „L'empire uni au domaine établit la juridiction de la Nation dans le pays qui lui appartient, dans son territoire. C'est à elle, ou à son souverain, de rendre la justice dans tous les lieux de son obéissance, de prendre connaissance des crimes qui se commettent et des différents qui s'élèvent dans le pays“. Это правило высказано и другими писателями, наприм. Уитономъ, Баромъ, Кальво, Бернеромъ, Феликсомъ и т. д. ⁴⁾.

Итакъ, это правило основное и несомнѣнное. Является вопросъ, въ силу чего оно возникло? Какой его источникъ? Это правило вытекаетъ изъ понятія государственного верховенства, которое, по самому существу своему, не терпитъ подчиненія иностраннымъ законамъ. Однако, понятно, что начало государственного верховенства вполнѣ не можетъ быть примѣнено на дѣлѣ. Развитіе современныхъ международныхъ сношеній выставило другое руководящее начало, смягчающее узкія требованія территоріальности — начало международного общенія. Въ силу этого послѣдняго начала, нѣть надобности подчинять дѣйствію мѣстныхъ законовъ всѣхъ лицъ, пребывающихъ въ предѣлахъ данного государства; начало международного общенія установило слѣдующія изъятія изъ дѣйствія строго-территориального начала:

1) Преступленія, совершаемыя на военныхъ корабляхъ, гдѣ бы они ни находились, судятся по законамъ того государства, которому корабль принадлежитъ; о купеческихъ корабляхъ упомянуто выше; кроме того, купеческие корабли въ открытомъ морѣ приравниваются къ военнымъ, по подсудности.

2) Преступленија, совершаемыя представителями верховной власти, дипломатическими агентами, вспомогательными войсками иностранныхъ государствъ, судятся также, какъ и преступленија на военныхъ корабляхъ.

Совокупность этихъ изъятій изъ началь поземельности (территоральности) опредѣляется, или, лучше сказать, объясняется такъ называемой фикціей виѣземельности. Если бы этихъ изъятій не существовало, то международное общеніе было бы немыслимо⁵⁾.

§ 2. Взаимное признаніе государствами указанныхъ началь. Если данное государство признаетъ за своимъ закономъ право судить и наказывать преступленија, совершаемыя въ его предѣлахъ, то, на основаніи начала международнаго общенія, оно должно признать такое же право и за иностранными государствами. Такъ, напр., преступленіе совершилось въ Россіи, оно разматривается въ русскомъ судѣ, иностранное государство не имѣть права вмѣшательства, и наоборотъ, преступленіе, совершенное въ Пруссіи, не можетъ вызывать вмѣшательства Россіи, хотя бы преступленіе, совершенное въ Пруссіи, затрагивало непосредственно наши интересы. Такое отношение двухъ государствъ называется взаимностью. Оно предполагаетъ, что между этими государствами не было заключено никакого договора по этому вопросу. Если же такой договоръ или трактатъ заключенъ, то его положенія и опредѣляютъ взаимные отношения обоихъ законодательствъ. Но начало взаимности можетъ быть примѣнено лишь къ государствамъ, однороднымъ по культурѣ; поэтому отношение къ восточнымъ государствамъ опредѣляется иначе. Такъ, у насъ заключенъ рядъ договоровъ съ Турцией, Японіей, Персіей и Китаемъ, на основаніи которыхъ русскіе подданные, совершившие преступленіе въ предѣлахъ этихъ государствъ, пользуются правомъ виѣземельности, т.-е. сохраняютъ подсудность нашимъ законамъ. Такъ, положимъ, русскій совершилъ маловажное преступленіе въ Турціи, т.-е. влекущее наказаніе не свыше тюремнаго заключенія: его будетъ судить нашъ консулъ; онъ постановитъ приговоръ по нашимъ законамъ, причемъ приведеніе его приговора въ исполненіе совершится по мѣстнымъ законамъ. Но, если онъ совершилъ преступленіе важное, то его отправятъ въ ближайшую пограничную русскую губернію, гдѣ и будутъ судить по общимъ правиламъ русского судопроизводства. Причина такихъ изъятій заключается въ томъ, что въ означен-

ныхъ государствахъ трудно разсчитывать на полное беспристрастіе мѣстныхъ судовъ относительно европейскихъ подданныхъ, совершившихъ тамъ преступленіе.

§ 3. Столкновеніе законовъ разныхъ государствъ. — Здѣсь надо различать два случая. Во-первыхъ, преступленіе можетъ быть совершено въ одномъ государствѣ, а обнаружено въ другомъ, напр., убийца изъ нашего государства бѣжалъ въ Австрію, где и былъ пойманъ. Во-вторыхъ, преступленіе совершается въ какомъ-либо государствѣ, но послѣднее, изъ соображеній уголовной политики, отказывается отъ суда надъ виновнымъ, выдаетъ его иностранному государству. Такимъ образомъ, преступникъ, по совершении преступленія, или добровольно является въ данное государство, или выдается тѣмъ государствомъ, где преступленіе совершено, заинтересованному государству. Разсмотрѣніе первого вопроса составить содержаніе настоящей главы, а второй вопросъ будетъ разсмотрѣнъ въ другихъ отдѣлахъ. Итакъ, положимъ, что преступникъ совершилъ грабежъ съ убийствомъ въ Австріи и бѣжитъ къ намъ, въ Россію. Какъ съ нимъ поступить?

1) Говорить, что можно отказать ему въ убѣжищѣ, т.-е. не пустить его на русскую землю. Но такие случаи очень рѣдки, такъ какъ преступникъ тщательно скрывается, переходя за границу, а разъ онъ ее перешелъ, нельзя уже и говорить объ отказѣ въ убѣжищѣ⁷⁾.

2) Другое рѣшеніе этого вопроса состоить въ томъ, что преступникъ можетъ быть судимъ у насъ. Для объясненія этого права предложено много различныхъ системъ; въ наукѣ и въ законодательствахъ проводятся самые разнообразные взгляды. Такое разнообразіе и нерѣшительность происходятъ отъ того, что самыя основанія такого права еще не установились прочно. Всѣ ученія по этому вопросу могутъ быть раздѣлены на два большіе отдѣла. Къ первому относятся тѣ, которые за исходную точку принимаютъ право государственного верховенства — право судить и наказывать всякаго преступника, находящагося въ данной территории; ко второму тѣ, въ основаніи которыхъ лежитъ широкое современное понятіе международного общенія.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Ученія, выходящія изъ начала государственного верховенства.

§ 4. Теорія поземельности (территоріальности). — Изъ Германскихъ юристовъ эту теорію поддерживаютъ Кестлинъ и Миттермайеръ, а также Фейербахъ; Въ Англіи—писатели по международному праву, напр., Стори, Филлиморъ. Въ основѣ терроріальной теоріи лежитъ то начало, въ силу которого всякое государство имѣеть право судить и наказывать преступленія, совершенные въ его предѣлахъ, откуда выходитъ, что мѣстному закону нѣтъ дѣла до того, что совершается въ соседней странѣ: власть государства ограничивается исключительно тѣми преступленіями, которыя совершены въ его предѣлахъ. Всякое уголовное преступленіе есть посягательство на юридическую норму, запрещенное закономъ данной страны. Законы этой послѣдней простираютъ свое дѣйствие только до предѣловъ ея, поэтому, всякое преступное дѣяніе, совершенное за этими предѣлами, не имѣеть никакого отношения къ закону этой страны, оно можетъ быть рассматриваемо лишь на основаніи законовъ той страны, гдѣ совершилось. Такимъ образомъ, по этой теоріи, если итальянецъ совершилъ преступленіе въ Англіи и бѣжалъ въ отчество, то судебная власти послѣдняго не могутъ подвергнуть его преслѣдованію. Въ отношеніи къ преслѣдованію преступниковъ, не существуетъ никакихъ международныхъ обязанностей. Законодательство каждой страны выросло на почвѣ международной жизни, въ немъ выразилась особность данного народа, его нравственныя и правовые воззрѣнія. Слѣдовательно, нормы этого законодательства стоять особо, независимо, они не могутъ имѣть всемірного, всеобщаго значенія. Всѣ эти выводы очень послѣдовательно вытекаютъ изъ основнаго начала этого ученія. Но такая послѣдовательность приводить къ невозможности примѣненія самой теоріи на дѣлѣ. Въ самомъ дѣлѣ, это ученіе въ такомъ чистомъ видѣ было бы примѣнимо только при отсутствіи какого-бы то ни было международнаго общенія, чemu дѣйствительность противорѣчитъ. Это затрудненіе заставило защитниковъ теоріи сдѣлать нѣкоторыя дополненія и отступленія. Пер-

вое изъ такихъ отступлений заключается въ слѣдующемъ: государства должны имѣть въ виду не только собственные выгоды и порядокъ, но также и интересы международного права и порядка. Поэтому, они обязаны преслѣдовать за преступленія, вредящія или грозящія опасностью сосѣдней странѣ. Какое-же послѣдствіе такого положенія? Оно приводить къ требованію, чтобы въ законодательствѣ каждого государства былъ особый отдѣлъ, предусматривающій преступленія, совершенные противъ сопѣтствіи страны. Это правило имѣть значеніе только для преступлений, обнаруженныхъ въ мѣстѣ ихъ совершения. Такъ, если преступленіе совершено въ Россіи противъ сопѣтствіи державы, предусмотрѣно русскимъ уложеніемъ и обнаружено въ Россіи-же. Но это дополненіе не разрѣшаетъ вопроса, какъ поступить съ преступникомъ, который, по совершенніи преступленія, перебѣжитъ въ другую страну? Можетъ-ли послѣдняя судить его?

Представители разбираемой теоріи отвѣчаютъ, что въ такомъ случаѣ надо выдать его тому государству, откуда онъ пришелъ, все равно, будешь-ли онъ иностранецъ или собственный подданный, лишь бы только онъ совершилъ преступленіе за границей, въ пространства вѣдомства мѣстныхъ законовъ.

Но оба эти дополненія несостоятельны. Во-первыхъ, ни одна страна не можетъ уравнивать своихъ собственныхъ интересовъ съ интересами другихъ государствъ. Такъ, напр., въ нашемъ уложеніи мы находимъ всего двѣ статьи, предусматривающія преступныя посягательства противъ сопѣтствіи державъ. Одна изъ нихъ (260) предусматриваетъ составленіе заговора противъ порядка управлениія сопѣтствіи страны или на жизнь главы сопѣтствія государства, другая (558) преслѣдуje поддѣлку въ предѣлахъ Россіи иностранной монеты. При этомъ, первая статья примѣняется только на основаніи взаимности, т.-е., если сопѣтствія страна также преслѣдуje заговоръ противъ Россіи въ своихъ предѣлахъ, а вторая статья имѣть въ виду главнымъ образомъ русскіе финансовые интересы, такъ какъ поддѣлка иностранной монеты прежде всего вредить нашимъ денежнымъ оборотамъ. За этими двумя исключеніями, всѣ другія преступленія, совершенные въ Россіи противъ иностранныхъ государствъ, не могутъ быть преслѣдуемы по уложенію. Тоже мы видимъ и въ другихъ государствахъ. Вопросъ-же о выдачѣ не только иностранцевъ-перебѣжчиковъ, но и собственныхъ подданныхъ крайне

спорный. Хотя некоторые писатели, напр., Бильо, защищают выдачу своихъ подданныхъ *), хотя и некоторые государства держались этого начала (напр., Англія), но теперь, по общему правилу, провозглашенному во всѣхъ конвенціяхъ о выдачѣ, собственные подданные не выдаются на томъ основаніи, что такая выдача нарушаетъ верховенство государства.

Наконецъ, если допустить выдачу въ томъ видѣ, какъ требуетъ разбираемая теорія, то надо предположить наличность требованія со стороны заинтересованного государства. Безъ требованія, выдать нельзя. Судъ-же надъ преступникомъ влечеть за собою расходы и материальные, и нравственные. А, если преступленіе маловажно, то государство, пожалуй, и не потребуетъ выдачи преступника. Стало быть, придется оставить его безнаказаннымъ, предоставить ему полную возможность продолжать свою преступную дѣятельность. Но такой выводъ, очевидно, не можетъ быть допущенъ—онъ противорѣчилъ бы собственнымъ интересамъ страны убѣжища.

Это новое затрудненіе Кестлинъ разрѣшаетъ такимъ добавленіемъ, которое въ корнѣ уничтожаетъ всю его теорію. Онъ говоритъ, что въ этомъ случаѣ преступникъ долженъ быть наказанъ по закону страны убѣжища. Это положеніе идетъ въ разрѣзъ съ основнымъ началомъ разбираемой теоріи. Чтобы какъ-нибудь обойти этотъ камень преткновенія, Кестлинъ утверждаетъ, что государство будетъ наказывать не отъ своего имени — на это оно не имѣть права, но во имя заинтересованной державы, по началу представительства. На это можно возразить, что для преступника все равно, во имя-ли своей или чужой страны онъ будетъ наказанъ. А кроме того, учение гражданскаго права о представительствѣ врядъ-ли можно примѣнить къ праву международному, субъектами котораго являются не частные лица, а государства. Представитель предполагаетъ наличность порученія или уполномоченія со стороны представляемаго лица, а такое порученіе можетъ быть выражено въ договорѣ. Слѣдовательно государства должны будутъ заключать договоры о представительствѣ. Затѣмъ, представительство можетъ имѣть лишь на столько правъ, на сколько имѣть ихъ представляемое лицо. Примѣняя это положеніе къ государствамъ, мы придемъ къ выводу,

*.) Впослѣдствіи мы докажемъ справедливость взглядовъ Бильо, которые вполнѣ раздѣляемъ.

что государство — представитель должно будеть примѣнять законы государства представляемаго. Но это немыслимо. Поэтому, мы должны заключить о полной несостоятельности этой теоріи.

Впрочемъ, не смотря на свои недостатки, эта теорія утвердила весьма важное положеніе, что главное значеніе должно имѣть мѣстное право, всякое другое право можетъ играть лишь вспомогательную, второстепенную роль.

§ 5. Теорія національная. — Главнейшими представителями этой теоріи являются Бернеръ и Баръ. Теорію Бернера можно иначе назвать теоріею личной подчиненности. Эта теорія выставляетъ слѣдующія начала: каждый подданный, гдѣ бы онъ ни былъ, обязанъ подчиняться своимъ національнымъ законамъ, законамъ своего отечества. Для послѣдняго, поэтому, возникаетъ право суда и наказанія своего подданного, совершившаго преступленіе за границей. Итакъ, главное основаніе такого права — принадлежность данного лица къ числу подданныхъ какого-либо государства. Но это основаніе не единственное: всякое преступленіе представляетъ дѣйствіе, нарушающее достоинство и честь гражданина. Лицо, совершившее преступленіе, тѣмъ самымъ посягаетъ на нарушеніе этого достоинства и чести. Какъ нарушитель гражданской чести, оно должно подлежать отвѣтственности по законамъ своего отечества, законодательство котораго опредѣляетъ всѣ условия его гражданского состоянія. Такимъ образомъ, теорія Бернера является только дополненіемъ къ поземельной (территоріальной) теоріи, она также исповѣдуетъ тоже основное начало, что все, чтобы ни совершилось въ предѣлахъ даннаго государства, должно разматриваться по законамъ этого государства. Территоріальный принципъ здѣсь растягивается до чрезвычайности, законъ дѣйствуетъ не только въ предѣлахъ мѣстности, но и по отношенію къ лицамъ, живущимъ на ней. Эти лица, уѣзжая за границу, какъ бы уносятъ съ собою родную почву, часть родной земли съ ея законами, правовыми воззрѣніями, запретами всякаго рода, и нарушеніе ими этихъ законовъ, юридическихъ воззрѣній и запретовъ считается въ отечествѣ ихъ преступленіемъ, а преступники могутъ и должны бытъ преслѣдуемы со стороны отечественнаго законодательства. Такимъ образомъ, русскій подданный, гдѣ бы онъ ни былъ, долженъ имѣть въ виду русскіе законы. Таково существо теоріи Бернера. Теперь разсмотримъ вкратцѣ ученіе Бара и сдѣлаемъ оцѣнку всей націо-

нальной теоріи. Теорія Бара нѣсколько сложнѣе Бернеровской. Баръ говоритъ, что изъ понятія о подданствѣ вовсе не вытекаетъ обязанности для подданного всегда и вездѣ подчиняться законамъ своего отечества. Почему? Потому что подданный, совершая преступленіе, тѣмъ самымъ уничтожаетъ права подданства и выгоды отъ принадлежности въ качествѣ подданного къ данной странѣ. Но послѣдняя отсюда не получаетъ право наказывать за преступленія, совершенные за ея предѣлами. Какія-же начала выставляетъ Баръ? Всякое преступленіе, по его ученію, совершенное лицомъ, вытекаетъ изъ его злой воли. Эта злая воля возникла въ лицѣ, развивалась въ немъ постепенно и наконецъ осуществилась въ преступленіи. Государство, наказывая преступленіе, направляетъ свою карательную дѣятельность противъ виновника, т.-е. противъ лица, совершившаго преступленіе. А къ этому лицу, по поводу его преступнаго дѣянія, могутъ предъявить права двѣ страны: та, въ которой преступленіе совершилось, по началу поземельности, и та, где это преступленіе подготавлялось, где возникла и развивалась преступная, злая воля, т.-е. отчество лица. Слѣдовательно, Баръ предполагаетъ, что злая воля неизрѣдѣно возникла и развилась въ предѣлахъ отечества преступника, почему отчество и имѣть право наказать его за преступленіе, совершенное за границей. Очевидно, что эта теорія слишкомъ узко смотритъ на дѣло. Во-первыхъ, Баръ опускаетъ всю область такъ-называемыхъ аффективированныхъ преступленій, для которыхъ его теорія совершенно непримѣнна. Затѣмъ, какъ опредѣлить, где именно возникла и развилась злая воля? Рѣшеніе этого вопроса или очень трудно, или безусловно невозможно. Напр., итальянецъ уѣхалъ въ Англію, прожилъ тамъ пять лѣтъ, совершилъ преступленіе, вернулся на родину, где и было обнаружено преступленіе. Для того, чтобы Италия могла наказать его, надо доказать, что злая воля родилась и развилась въ ея предѣлахъ, а выражилась въ преступлениіи, совершенномъ на англійской почвѣ. А такое доказательство очень затруднительно. Наконецъ, эта теорія непримѣнна къ иностранцамъ, совершившимъ преступленіе въ одномъ государствѣ и бѣжавшимъ въ другое, имъ чуждое. Послѣднее, по этой теоріи, не можетъ показать ихъ. Напр., шайка воровъ изъ англичанъ и французовъ подѣлывала французскую монету въ Бельгіи и потомъ перешла во Францію, где и захвачена. По этой теоріи, Франція можетъ пре-

слѣдоватъ лишь французскихъ членовъ шайки, а англичанъ оставить безъ наказанія.

Вообще, противъ національной теоріи можно дѣлать тѣ-же самыя возраженія, что и противъ поземельной. Но послѣдняя выше и послѣдовательнѣе національной: она прямо и логично проводитъ то основное начало, что мѣстное право и законодательство имѣть преимущественное значеніе: дѣйствіе всякаго другого права только вспомогательное. Оно наступаетъ только въ случаѣ невозможности примѣненія мѣстного права. Напротивъ, по теоріи національной, всякое лицо, перешедшее за границу, находится подъ вліяніемъ и дѣйствіемъ двухъ законовъ — мѣстного и національного, причемъ каждый рассматривается, какъ совершенно самостоятельный и обособленный. Такое положеніе приводить къ вопіющей несправедливости. Въ самомъ дѣлѣ, всякое лицо, находящееся за предѣлами своего отечества, совершая преступленіе, нарушаетъ имъ и свой естественный законъ, и мѣстный, слѣдовательно, совершаетъ два преступленія, за которые и должно отвѣтить по тѣмъ и другимъ законамъ; отбыть наказаніе по мѣстнымъ законамъ, оно должно, по возвращеніи въ отечество, отбыть другое наказаніе по отечественнымъ законамъ. А это прямо противорѣчить основной юридической аксиомѣ: „non bis in idem“, т.-е., что одно лицо за одно и то же преступленіе можетъ быть обложено только однимъ опредѣленнымъ наказаніемъ. Затѣмъ, національная теорія предполагаетъ, что законы двухъ государствъ будутъ болѣе или менѣе однородны и согласны; но это бываетъ не всегда. Очень часто дѣяніе, запрещенное въ одномъ государствѣ, разрешено въ другомъ. Въ такихъ случаяхъ, очевидно, возникаетъ неправильное отношеніе обоихъ законодательствъ, и выходъ изъ такого положенія очень затруднителенъ. Наконецъ, еще одно возраженіе: почему человѣкъ являющійся, напр., въ Россію, обязанъ исполнять не только русскіе, а и свои, отечественные законы? Вѣдь этимъ нарушаются основное правило, что въ государствѣ дѣйствуетъ лишь тотъ законъ, который изданъ его верховною властью и обнародованъ подчиненными ей властями. Всякій другой законъ не можетъ тутъ дѣйствовать.

Въ виду указанныхъ неудобствъ, авторамъ двухъ названныхъ теорій пришлось внести иѣкоторыя дополненія: а именно, Бернеръ и Баръ говорятъ, что начала національной теоріи не касаются всѣхъ полицейскихъ нарушеній. Хотя они не объясняютъ, но-

чemu эта теорія не должна распространяться на полицейскія нарушенія, но это и такъ видно: примѣненіе національной теоріи къ нарушенію полицейскихъ предписаній было бы совершенно невозможно на дѣлѣ. Но, понятно, оправдывать теоретическое положеніе соображеніями практической невозможности довольно неудачно. Слѣдуетъ еще указать на рѣшеніе этимъ ученымъ того случая, когда, напр., иностранецъ, послѣ совершеннія преступленія за границей, находится въ Россіи. Теорія эта говоритъ, что, если у насъ требуется преступника то государство, въ которомъ онъ совершилъ преступленіе, то по отношенію къ нему мы имѣемъ право самообороны. Но здѣсь защитники національной теоріи обнаруживаютъ непониманіе существа самообороны. О послѣдней можно говорить только тогда, когда опасность угрожаетъ. Въ данномъ же случаѣ преступленіе уже окончено. Слѣдовательно, оборона противъ оконченаго преступленія немыслима. А если немыслима такая оборона, то нельзя говорить и о правѣ наказанія, основанномъ на такомъ мнимомъ началѣ.

Наконецъ, необходимо указать еще на одну неточность въ теоріи: уголовное наказаніе назначается виновному не за оскорблениe гражданской чести и достоинства, какъ учитъ эта теорія, а за дѣяніе, являемоеся нарушеніемъ и посягательствомъ на нормы уголовнаго права. Въ виду указанныхъ важныхъ недостатковъ, національная теорія не выдерживаетъ критики. У нея не мало враговъ (напр., Моль, Корнуалисъ, Неклюдовъ), строго нападающихъ на ея неопределенный характеръ.

§ 6. Реальная теорія. Реальная теорія, подобно предъидущимъ, также вытекаетъ изъ идеи государственного верховенства, изъ обособленныхъ, самостоятельныхъ и независимыхъ интересовъ отдельныхъ государствъ. Разница же между реальной теоріей и прежде изложенными состоитъ въ томъ, что, какъ территоріальная, такъ и національная теоріи главное вниманіе обращаютъ на субъектъ преступленія, причемъ по территоріальной теоріи наказываются всѣ лица, совершившія преступленіе въ предѣлахъ данного государства, а по національной—только тѣ лица, которые являются подданными этого государства. Реальная теорія, напротивъ, выставляетъ то начало, что главное назначеніе уголовного закона — есть охраненіе благъ и интересовъ, являющихся принадлежностью отдельныхъ лицъ, общества и государства. Юридическія